

ДОНЕСЕНІЯ ИМПЕРАТОРУ ПАВЛУ ПЕРВОМУ ОТЪ НАШЕГО ГАМБУРГСКАГО РЕЗИДЕНТА МУРАВЬЕВА-АПОСТОЛА ¹⁾.

1799-1800.

Государь!

Со времени послѣдняго нарочнаго, прилагаемые 13 документовъ клуба доставлялись мнѣ послѣдовательно за исключеніемъ №№ 8 и 12, только что мною полученныхъ. Уже извѣстно Вашему Величеству изъ предъидущихъ моихъ донесеній все наиболѣе важное для Вашего Величества въ остальныхъ бумагахъ.

Адская дѣятельность этихъ злодѣевъ ужасна. Ихъ не останавливаютъ ни трудность предпріятія, ни сопряженныя съ нимъ опасности, свидѣтелями чего шпіоны Латуръ и особенно же подлець Сень-Круа, коего ненависть и страшныя проклятія противъ Колычева ²⁾ столь почѣтны для этого посланника. Въ свое время я извѣстилъ его, точно такъ же, какъ князя Суворова, обо всемъ, касающемся Латура.

Не знаю, вслѣдствіе ли моихъ сообщеній, этотъ послѣдній былъ потревоженъ въ Прагѣ, на что онъ жалуется въ своемъ письмѣ за № 12; если же это такъ, онъ, по счастью, введенъ въ обманъ, воображая, что предали его Альтонскіе Якобинцы и главнымъ образомъ Унцеръ: ибо нужно знать, что между Альтонскими и Гамбургскими негодями существуетъ полный разрывъ: одни—чистые республиканцы, другіе—чистые Якобинцы и, подобно всѣмъ раскольникамъ, они взаимно считаютъ одни другихъ нечистыми. Датское правительство могло бы повернуть эту распрю въ свою пользу и я, кажется, имѣю основаніе

¹⁾ Сохранились въ спискахъ, въ бумагахъ С. С. Татищева. Переведены съ Французскаго. При Екатеринѣ заграничныя наши уполномоченные писали и переписывались по-русски, что содѣйствуетъ къ негласности. Эта перемѣна произошла по кончинѣ князя Безбородки (Апрѣль 1799).

П. Б.

²⁾ Нашего посла въ Вѣнѣ.

полагать, что принцъ Карль Гессенскій занятъ извлеченіемъ изъ этого пользы для себя.

Но не на этомъ должно мнѣ останавливать вниманіе Вашего Величества; я подхожу къ гораздо болѣе важному дѣлу. Будучи уже давно извѣщенъ о томъ, что нѣкій Мерсье, братъ презрѣннаго писака того же имени, употребляется здѣсь Французскимъ правительствомъ (въ частности г. Парандье), и именно по Польской корреспонденціи, я приставилъ къ нему одного изъ своихъ повѣренныхъ, по фамиліи Косилье́. Этотъ ловкій и способный человекъ умудрился войти съ нимъ въ дружбу, и съ его помощью я раздобылъ многія извѣстія, кои уже доведены мною до свѣдѣнія Вашего Величества; напримѣръ, о существованіи въ Парижѣ Польскаго Комитета, о поѣздкѣ Шамбарляка. Недавняя его продѣлка съ нимъ какъ нельзя болѣе остроумна. Мерсье охотникъ пить, а Косилье́ имѣетъ отъ меня приказаніе не жалѣть хорошаго вина. Придя къ нему вчера и заставъ его уже готовымъ говорить правду, онъ сумѣлъ сдѣлать такъ, чтобы Мерсье вышелъ въ другую комнату, гдѣ онъ нашелъ человека, нарочно туда подосланнаго, чтобы заставить его поболтать. Между тѣмъ, мой агентъ, пользуясь этимъ отсутствіемъ, подходитъ къ конторкѣ, находитъ тамъ бумаги Парандье, прочитываетъ изъ нихъ, насколько это было возможно въ теченіе десяти минутъ, и списываетъ изъ подлинниковъ собственныя имена. Вотъ точная копія съ бумаги, которую онъ мнѣ принесъ сегодня утромъ.

„Нѣкій Французъ, по имени Жуберъ, пріѣхалъ въ прошлую Пятницу изъ Парижа въ Альтону и уѣхалъ во Вторникъ, направляясь въ Польшу съ порученными ему важными письмами. Въ Альтонѣ этотъ Жуберъ повидалъ многихъ: Фергюсона, Линдемана, Хейлигенштадта и купцовъ Роде и Тейфера. Имъ было сдѣлано все, что только возможно, дабы склонить Фергюсона, Роде и Тейфера взять на себя поставку оружія, которое Франція хочетъ переправить Полякамъ; расходы же по покупкѣ его будутъ лежать на обязанности Французскаго правительства. Но купцы эти, чувствуя всю опасность подобнаго предпріятія, колеблются брать его на себя; однако, несмотря на ихъ отвращеніе, надѣются съ помощью членовъ Альтонскаго республиканскаго клуба возобновить это дѣло въ угоду Республикѣ. Вслѣдъ за Жуберомъ долженъ немедленно выѣхать Отто младшій, направляющийся къ тому же мѣсту назначенія. Первый изъ нихъ имѣетъ большія средства, обольстительную наружность, имѣлъ много тайныхъ порученій; въ 1790 онъ редактировалъ „Версальскій Вѣстникъ“ въ Парижѣ“.

Вотъ списокъ агентовъ Франціи, предназначенныхъ для Польши (эти фамиліи были списаны съ подлинныхъ бумагъ):

„Парандье, Нокицвиць, секретарь, Ле-брѣнь, инженеръ, Дюфуръ, тоже, Гутаръ, наставникъ, Майерфаль, тоже, Небельсъ, тоже, Шестцвиць, Либовиць, Родо, Шамбарлякъ, Жуберъ (отъ 35 до 36 лѣтъ, лицо длинное, ростъ—5 футовъ, 7 дюймовъ, очень хорошо сложенъ), Отто, младшій, Менсковъ (приблизительно 40 лѣтъ, ростъ 5 фут. 6 дюйм., волосы темнорусые, лицо круглое, носъ курносый, кожа довольно бѣлая, но въ веснушкахъ и рябая. Говорить плохо по-французски, немного по-испански и по-итальянски, за то хорошо по-нѣмецки и по-польски. Онъ былъ 18 числа прошлаго Октября въ Гамбургъ, гдѣ его принимали за Русскаго, чему я, однако, не вѣрю. Оттуда онъ уѣхалъ въ Шафгаузенъ.

За этими именами слѣдуютъ маршруты, которыхъ агенты должны были держаться въ точности. Они должны быть снабжены и Прусскими паспортами. Парандье отправляется прямо въ Варшаву и проѣдетъ, какъ и нѣкоторые подчиненные, черезъ Пруссію. Остальные направятся въ Польшу черезъ Австрію и Моравію. Графъ Лобковичъ будетъ управлять дѣлами вмѣстѣ съ Парандье до того времени, когда Костюшко сможетъ присоединиться къ образующейся партіи.

Консулы обѣщаютъ всякаго рода помощь; рассчитываютъ на успѣхъ, особливо, если Парандье удастся, какъ онъ обѣщаль, заставить данниковъ Порты, князей Валахіи и Молдавіи, присоединиться къ Польскимъ повстанцамъ.

Будучи въ восторгѣ отъ этого открытія, я поощрилъ усердіе Косильѣ, давъ ему надежду на щедрое вознагражденіе въ томъ случаѣ, если ему удастся узнать еще больше, а особенно, если, какъ онъ увѣряетъ, онъ добьется, чтобы назначили его самого Французскимъ агентомъ въ Польшу. Безспорно, то было бы самымъ вѣрнымъ и дѣйствительнымъ способомъ имѣть связь съ этимъ революціоннымъ лабиринтомъ.

Принцъ Людвигъ Прусскій все еще тутъ. Поведеніе его все то же. Стонуть, видя, какъ природныя качества и достоинство имъ унижены. Всѣ вечера его видятъ либо въ театрѣ, либо на балу въ отвратительномъ состояніи опьяненія. Ужъ онъ съ повѣсами имѣлъ нѣсколько дракъ, при которыхъ самъ давалъ и получалъ удары кулакомъ. Однимъ словомъ, онъ служитъ предметомъ общаго презрѣнія и удивленія. Нельзя постигнуть ни его поведенія, ни того равнодушія, съ какимъ на это смотрятъ въ Берлинѣ.

Согласно приказанію вашего Императорскаго Величества, прилагаю при семъ счетъ моихъ секретныхъ издержекъ.

Счетъ моихъ секретныхъ издержекъ.

	Голландск. дукаты.
Моимъ агентамъ, на жалованіи, по 24 дукат. въ мѣсяцъ, считая съ 1 Марта по Октябрь того же года включительно.	192
Агенту, посланному въ Лейпцигъ въ Апрѣлѣ 1799 года для выслѣживанія Поляковъ, мнѣ указанныхъ изъ Парижа и переписки о нихъ со мною	100
Редактору Гамбургской газеты за корреспонденцію, имъ доставляемую въ Парижъ, по 10 дук. по четвертямъ за 1799 г.	40
Экспедитору Шюлеру по 90 дук. въ мѣсяцъ (включая сюда 24 дук. въ мѣс., назначенные моимъ агентамъ на жалованіе) съ 1 Ноября по Январь включительно.	270
Награды и другія мелкія порученія, данныя въ различное время	29
<hr/>	
Итого	631

Мною получено изъ Кабинета В-го В-ства въ разное время за 1799 годъ, и съ 1 Января по 13 Февраля 1800 года, 450 дук., за вычетомъ конхъ изъ общей суммы въ 631 дук. мнѣ приходится дополчить 181 дук.

*

Полученное 28 Января 1800.

Ваше Величество!

Господа де-Круа и Мезюаръ просили меня повергнуть къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества, какъ великаго магистра верховнаго ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, ихъ согласіе и почтительнѣйшую преданность. Исполняя этотъ долгъ, долженъ, Ваше Величество, прибавить, что эти господа, конхъ имѣю честь знать лично, безупречнаго поведенія, пользуются всеобщимъ заслуженнымъ уваженіемъ и были мнѣ рекомендованы самыми почтенными и знатными среди здѣшнихъ Французскихъ эмигрантовъ.

Гамбургъ.
12/23 Января 1800.

*

Шифрованное.

Государь!

Снабженный предписаніями относительно Польши, Парандье долженъ покинуть Парижъ въ теченіе этой недѣли и отправиться на мѣсто своего назначенія черезъ Гамбургъ и Берлинъ. Въ послѣднемъ городѣ онъ долженъ повидаться съ нѣкимъ Шамбарльякомъ, военнымъ Французскимъ инженеромъ, который недѣлю тому назадъ проѣхалъ черезъ Альтону и оставался тамъ лишь нѣсколько часовъ у Фергюсона. Въ числѣ прочихъ лицъ съ Парандье долженъ быть Полякъ Новицкій.

Гамбургъ.
3/14 Января 1800.

*

Государь!

На этихъ дняхъ произошелъ случай, чуть-чуть не лишившій меня пріобрѣтенныхъ мною способовъ узнавать обо всемъ, что происходитъ въ Кружкѣ*). Я поручилъ нѣкому Мозеру условиться съ экспедиторомъ; черезъ его посредство я и узнавалъ о всѣхъ дѣйствіяхъ Кружкѣ, о чемъ по сіе время послѣдовательно доводилъ до свѣдѣнія Вашего Императорскаго Величества. Въ то время, когда мнѣ удалось его обрѣсти, онъ служилъ у лорда Гренвиля, котораго извѣщаль обо всемъ, что могло непосредственно касаться Англіи; такимъ образомъ, употребляя его для своихъ дѣлъ, я, такъ сказать, приводилъ въ дѣйствіе машину на общій счетъ съ Британскимъ правительствомъ. Теперь, когда онъ менѣ всего ожидалъ, этотъ Мозеръ получаетъ изъ Лондона отъ статсъ-секретаря Гаммонда письмо, въ которомъ послѣдній, поблагодаривъ за важныя услуги, имъ оказанныя обнаруженіемъ переписки, коей подлинность подтвердилась на дѣлѣ, объявляетъ, что Англійское правительство больше не можетъ пользоваться его услугами, ибо получаетъ тѣ же бумаги, и еще быстрее черезъ одного министра - резидента въ Лондонѣ. Не понимаю, какимъ образомъ кто-либо кромѣ него могъ посылать тѣ же документы въ Англію; одно только знаю, что не я, ибо я говорилъ о нихъ только Вашему Императорскому Величеству. По моему, единственно возможное рѣшеніе этой загадки, это, что Мозеру измѣнилъ одинъ

*) Въ подлинникѣ cercle. Это клубъ.

изъ его переписчиковъ, который, возимъвъ намѣреніе его замѣстить, постарался отправлять въ Лондонъ эти же бумаги наискорѣйшимъ способомъ, такъ что лордъ Гренвиль, получая ихъ раньше, чѣмъ отъ Мозера, отдалъ предпочтеніе ему. Но въ этомъ ошибутся, и Англія ничего больше не получитъ, если только не постарается возобновить условіе съ Мозеромъ. Одинъ онъ въ состояніи продолжать эту драгоценную переписку, во-первыхъ, благодаря довѣрію, которое сумѣлъ внушить тѣмъ, съ кѣмъ вошелъ въ сдѣлку, во-вторыхъ, по удивительному лукавству при обнаруженіи самыхъ темныхъ заговоровъ. Когда онъ вчера пришелъ рассказать мнѣ свое приключеніе, я очутился въ необходимости либо потерять ключъ къ Кружку, либо взять на себя одного издержки, которыхъ требуетъ это дѣло. Но такъ какъ я считаю, что оно имѣетъ слишкомъ большое значеніе, чтобы возможно было колебаться въ выборѣ рѣшенія, я согласился, если только Ваше Величество не изволите приказать иного, на 130 дукатовъ въ мѣсяцъ, вмѣсто 90, какъ было условлено, включая сюда все остальные тайные расходы. По заключеніи этого договора, прекратившіяся было на три дня отношенія съ Кружкомъ возобновились, и сегодня же мнѣ были доставлены бумаги, которыя я при семъ препровождаю Вашему Императорскому Величеству.

По поводу снятія запрещенія на выходъ Гамбургскихъ судовъ изъ Французскихъ гаваней, здѣшній Прусскій министръ - резидентъ, потребовавъ къ себѣ депутацію отъ Сената, напыщенно объявилъ, что мѣрою этой обязаны ходатайству его повелителя, короля. Талебранъ въ своемъ письмѣ приводитъ иную причину (прилож. № 3); она, кажется, болѣе правдоподобно.

Нѣсколько недѣль, какъ здѣсь министръ-резидентъ Сардинскаго короля. Вѣроятно, баронъ Крюденеръ уже довелъ до свѣдѣнія Вашего Величества о причинахъ, заставившихъ этого министра отлучиться отъ своего поста. Онъ рассчитывалъ остановиться въ Гамбургѣ, но за то время, что онъ здѣсь, ему уже намекнули изъ Вѣны, что баронъ Тутгутъ не перестанетъ его беспокоить, пока ему будетъ извѣстно, что онъ въ городѣ, гдѣ находится Русскій министръ. Послѣ такого увѣдомленія Кастель-Альферъ рѣшилъ покинуть Гамбургъ, чтобы на нѣсколько мѣсяцевъ поселиться въ Шлезвигѣ. За короткое время, имъ проведенное здѣсь, мнѣ посчастливилось внушить ему нѣкоторое довѣріе, чему онъ далъ лестное доказательство, сообщивъ мнѣ выписку изъ депеши Сардинскаго министерства, копію съ которой при семъ прилагаю (литера А) вмѣстѣ съ его письмомъ по этому предмету ко мнѣ.

Гамбургъ.
19/30 Января 1800.

*

Ваше Величество!

При семь прилагаю двѣ только что мною полученныя бумаги Кружка: одна отъ Сень-Круа изъ Вѣны, другая изъ Берлина отъ Американскаго доктора Эллиссона, друга Англійскаго Якобинца Бересфорда.

Меня недавно извѣстили изъ Парижа, что если что - нибудь можетъ еще уронить довѣріе къ существующему правительству, то достаточно для этого одного упраздненія газетъ, чтобы окончательно лишитъ консуловъ народной любви. Эта мѣра, столь же неразумная въ политическомъ отношеніи, какъ въ финансовомъ, заставитъ тридцать тысячъ человѣкъ умереть съ голоду. Рабочіе-типографщики ропщутъ; благодаря этому упраздненію, сократятся гербовый и почтовый доходы, а это тѣмъ начестѣе, что остальные статьи общественнаго дохода уже ничего не приносятъ. И это прекрасное дѣло есть послѣдствіе гнѣва Бонапарта противъ газетъ, выпустившихъ въ свѣтъ его переписку съ Англіей и письмо одного Вандейскаго начальника, гдѣ его называли авантюристомъ, Корсиканцемъ и тираномъ. Изъ ста и болѣе существовавшихъ газетъ осталось всего тринадцать на жалованіи отъ консуловъ: поэтому онѣ и стараются снискать къ себѣ благосклонность Бонапарта самыми ужасными богохульствами противъ вѣры. Особенно „Газета свободныхъ людей“ говоритъ о вѣрѣ такія возмутительныя богохульства, что этого одного было бы достаточно, чтобы возбудить негодованіе этихъ несчастныхъ заблудшихъ, настолько простосердечныхъ, чтобы вѣрить въ искренность правительства въ прекрасныхъ его фразахъ въ пользу вѣроисповѣданій.

Единственный бичъ, недостававшій для переполненія мѣры бѣдствій, разоряющихъ Францію, чума, только что появилась въ этой несчастной странѣ. Изъ Ниццы она перешла въ Гренобль, а оттуда въ Лионъ, гдѣ уже было нѣсколько смертныхъ случаевъ. Страшная эта болѣзнь начинается съ прыща на языкѣ и больше передается черезъ одежду, чѣмъ черезъ прикосновеніе къ больнымъ. Увѣряютъ что и въ Страсбургѣ открыли признаки этой эпидеміи.

Гамбургъ.

21 Января/1 Февраля 1800.

*

Государь!

Послѣ упраздненія газетъ въ Парижѣ, о войнѣ Шуановъ имѣются только противорѣчивыя свѣдѣнія. Частныя письма не согласуются съ тѣмъ, что правительство заставляетъ печатать на счетъ этого въ газетахъ, состоящихъ на жалованіи у Бонапарта. Въ то время, какъ эти газеты объявляютъ о трехъ-четырехъ сраженіяхъ ежедневно, въ которыхъ побѣда всегда за республиканскими войсками, а Шуаны постоянно побиты, отъ путешественниковъ и изъ писемъ, приходящихъ изъ департаментовъ, гдѣ ведется война, знаютъ, что главные начальники Вандеи далеко отъ того, чтобы положить оружіе, и что вѣрно они еще очень много дадутъ дѣла Брюну, если онъ считаетъ нужнымъ употребить противъ нихъ пятьдесятъ тысячъ войска. Но набрать такое число въ мѣстностяхъ, гдѣ ведется война, не легкая задача. Жители многихъ городовъ отказались идти противъ своихъ братьевъ и дѣтей, и еще недавно одна подвижная колонна изъ Динау, вмѣсто того, чтобы вступить въ бой, перешла съ барабаннымъ боемъ на сторону недовольныхъ.

Здѣсь видно ежедневно возвращающихся во Францію эмигрантовъ, или готовящихся къ этому. Послѣ того, что Бонапартъ далъ имъ возможность легко быть вычеркнутыми изъ списка эмигрантовъ, нѣтъ ничего смѣшнѣе ослѣпленія, съ которымъ они сами бѣгутъ въ разставленную имъ ловушку. Если они непослѣдовательны, то Бонапартъ не въ нихъ. Онъ чувствуетъ, что ему необходимо поселять раздоры, чтобы царствовать, и что только ставя одну партію противъ другой, онъ сможетъ справиться съ ними. Иначе, какъ этою системою Бонапарта нельзя себѣ объяснить его примирительныя дѣйствія одновременно и съ эмигрантами, и съ террористами, ни согласить его приглашеніе эмигрантамъ вернуться во Францію, съ разрѣшеніемъ Анжерскимъ Якобинцамъ отпраздновать годовщину убійства Людовика XVI. Но многіе изъ эмигрантовъ не принимаютъ сего въ расчетъ и возвращаются: иные для того, чтобы имъ вернули ихъ имущества, другіе отъ отвращенія къ настоящему ихъ положенію, считая, что никакая перемѣна не сдѣлаетъ ихъ болѣе несчастными, чѣмъ они теперь. Однако, и тѣ и другіе могутъ ошибиться: Бонапартъ не имѣетъ въ виду ни возвращенія имѣній, ни смягченія, а главнымъ образомъ рассчитываетъ уменьшить во всей Европѣ шумъ, поднятый жертвами революціи, призвавъ достаточное ихъ число во Францію и черезъ это

имѣть тогда общественное мнѣніе въ своей власти, а послѣ предложить имъ на выборъ или измѣнить своей присягѣ, принявши клятву вѣрности конституціи, или быть изгнанными навсегда, съ конфискаціей ихъ имѣній, но уже формально облеченнымъ постановленіемъ. Если найдутся настолько низкія души, чтобъ согласиться на послѣднее, предпочтя родину чести, Бонапартъ пріобрѣтетъ въ нихъ новыхъ приверженцевъ, заинтересованныхъ въ томъ, чтобъ поддерживать власть хищника.

Меня сейчасъ увѣряютъ, будто въ Парижѣ получено извѣстіе, министерскимъ путемъ, что Бонапартъ третій уже разъ предлагаетъ Англій миръ. Чтобъ выяснить этотъ слухъ, ждуть Англійскую почту, задержанную противнымъ вѣтромъ. На завтра ждуть въ Шверинѣ Ея Императорское Высочество наслѣдную принцессу Мекленбургъ-Шверинскую. Я отправляюсь туда, чтобъ засвидѣтельствовать Ея Высочеству мое нижайшее почтеніе. Шверинѣ отстоятъ отъ Гамбурга всего на одинъ день пути, такъ что мое отсутствіе на нѣсколько дней не принесетъ ущерба ни моимъ письменнымъ сношеніямъ, ни дѣламъ по моей домности.

Гамбургъ.
3/14 Февраля 1800.

*

Государь!

Я вернулся сюда изъ Шверина третьяго дня, пробывъ тамъ 6 дней, и бывъ свидѣтелемъ зрѣлища, прелестнаго для всѣхъ, но для Русскаго особенно: всеобщаго восторга при появленіи Ея Императорскаго Высочества наслѣдной принцессы Мекленбургъ-Шверинской. Мнѣ невозможно описать впечатлѣніе, произведенное ею на Дворъ, на весь городъ и на массу собравшихся для встрѣчи ея Мекленбуржцевъ и иностранцевъ. Ея величественный видъ и красота вызвали всеобщее удивленіе, а своею привѣтливостію она плѣнила всѣ сердца, такъ что только и слышно было: это ангель, сошедшій съ неба! Весь Шверинѣ, начиная съ великокняжескаго дворца, въ упоеніи и радости. Одно пышное празднество смѣняетъ другое. За мое краткое тамъ пребываніе я былъ преисполненъ милостію Ея Императорскаго Высочества и ихъ свѣтлостей. По моемъ сюда возвращеніи я получилъ отъ Его Высочества наслѣднаго принца его портретъ, осыпанный брилліантами, который онъ соблаговолилъ мнѣ прислать по случаю передачи мною его свѣтлости 250 тысячъ рублей, составляющихъ часть приданаго Ея Императорскаго Высочества. Для принятія сего дара

осмѣливаюсь просить всемилостивѣйшаго позволенія Вашего Величества.

Частныя письма изъ Франціи продолжаютъ быть въ противорѣчїи съ отчетами о войнѣ на ея Западѣ, печатаемыми въ газетахъ Бонапарта. Въ письмахъ нѣтъ ни слова ни о всеобщемъ умиротвореніи, ни о пораженіи Шуановъ. Напротивъ, республиканцы, какъ видно, скрѣпя сердце сражаются противъ своихъ соотечественниковъ, а ихъ генералы не перестаютъ просить о подкрѣпленіяхъ. Въ одномъ изъ ихъ писемъ, перехваченномъ недовольными, Лефевръ говоритъ Брюну: „у насъ нѣтъ въ настоящую минуту свободныхъ войскъ; если же они вамъ крайне необходимы, возьмите изъ Нанта, но только при послѣдней крайности“. Я получилъ это извѣстіе изъ Парижа отъ 16 Февраля, слѣдовательно, послѣ того, что всѣ официальныя газеты помѣстили о побѣдахъ республиканцевъ и о полномъ истребленіи королевскихъ войскъ.

Гамбургъ.
14/25 Февраля 1800.

*

Получено 7 Марта 1800.

№ 8. Шифровано.

Государь!

Лаутъ былъ еще въ Петербургѣ 10 Февраля н. ст. подъ вымышленнымъ именемъ: у меня его письмо отъ этого числа къ Аббема, Батавскому посланнику въ Гамбургѣ. Онъ пишетъ о своемъ затруднительномъ и тяжеломъ положеніи и о томъ, что послѣ приѣзда курьера, посланнаго мною отсюда, Петербургская полиція ведетъ такіе строгіе розыски, что онъ самъ вынужденъ скрываться у двоюроднаго брата Аббема, гдѣ и останется, пока кружокъ не заблагоразсудитъ отозвать его. Затѣмъ онъ сообщаетъ о своихъ тревогахъ за судьбу Брюнеля, „тотчасъ по отъѣздѣ котораго изъ Петербурга (пишетъ онъ) былъ сдѣланъ обыскъ въ томъ домѣ, гдѣ онъ жилъ у нашего друга, считаемаго за имперіалиста. Я черезъ одного консула досталъ ему необходимые для отъѣзда паспорта“. Брюнель уже проѣхалъ черезъ Гамбургъ. Кромѣ этого письма у меня еще много писемъ въ такомъ же родѣ, но въ нихъ нѣтъ ничего важнаго, развѣ то, что какой-то Руперти прибылъ сюда изъ Россіи черезъ Лейпцигъ, привезъ Кружку депеши и отправился въ Парижъ, гдѣ его рекомендуютъ, какъ человѣка пригоднаго къ дѣлу. Черезъ три дня я жду новыхъ бумагъ, только что привезеннымъ курьеромъ отъ Талейрана.

Принцъ Генрихъ Виртембергскій собирается выѣхать отсюда въ Лондонъ. Здѣсь напечатанъ и тайно распространёнъ Нѣмецкій памфлетъ на Бреславльское регенство, гнусно досаждавшее этому принцу. Если считать позволительнымъ такой способъ удовлетворенія, тѣмъ не менѣе желательны были бы болѣе осторожныя выраженія о политикѣ Берлинскаго кабинета. Все, что говорится въ памфлетѣ, какъ о немъ, такъ даже и объ особѣ короля, очень рѣзко.

Безъ шифра.

Каждый правительственный шагъ Бонапарта доказываетъ, какъ его роль не по силамъ ему. Довѣріе, которое онъ сумѣлъ внушить въ первое время своего захвата у нѣкоторой части населенія, видимо уменьшается. Послѣдовавшій за восторгами холодный разсудокъ заставляетъ сравнивать прошедшее съ настоящимъ и предвѣщать изъ этого сравненія будущее, совсѣмъ для Бонапарта неблагоприятное. Дабы лучше скрывать свое усиленіе, онъ обѣщалъ Франціи миръ, единственно чего она желала; поэтому большинство населенія и радовалось перевороту 18-го Брюмера. Въ настоящее время, когда всѣ его способы, о которыхъ онъ говорилъ такъ увѣренно, низвелись къ бесполезному и глупому шагу передъ Англійскимъ правительствомъ, Французы, хотя и обиженные отказомъ Великобританскаго министра, досадуютъ на того, кто ихъ довелъ до подобнаго оскорбленія. На материкѣ тоже нѣтъ больше рѣчи о мирѣ, и можно ожидать, что при первомъ испытанномъ Французскими войсками пораженіи, идола низвергнутъ и даже разобьютъ, вопреки прежнихъ дѣйствительныхъ его заслугъ во главѣ войскъ.

Приготовленій къ близкой кампаніи видно во Франціи очень мало. Итальянская армія продолжаетъ терпѣть во всемъ недостатокъ. Бонапартъ обѣщалъ Массенѣ, что въ Ліонѣ онъ получитъ 3 милліона, а по пріѣздѣ въ Ліонъ Массена не нашелъ ни копѣйки, вынужденъ былъ отправиться въ Марсель раздобывать денегъ насильственнымъ путемъ, такъ какъ добровольно никто не давалъ и гроша.

Это служить вѣрнымъ доказательствомъ, что нѣтъ никакого довѣрія къ нынѣшнему правительству, а если добавить къ этому, что 12-милліонный заемъ не могъ состояться, что билеты на лотерею (этотъ новый способъ выпутываться изъ затрудненій) не расходятся, получится вѣрная картина финансовъ Республики и степени кредита Бонапарта у капиталистовъ.

Съ другой стороны, рекруты и новобранцы, за которыми жандармы охотятся, какъ за дичью, не способствуютъ тому, чтобъ сдѣлать похитителя пріятнымъ народу. Но чѣмъ онъ себѣ окончательно повредилъ—это смѣшнымъ переѣздомъ въ Тюльери. Самый злѣйшій врагъ Бонапарта не могъ дать ему совѣта болѣе коварнаго и болѣе способнаго лишить его общаго сочувствія. Такъ говорятъ республиканцы, сидя на развалинахъ конституціи. Роялисты въ негодованіи, что Бонапартъ занялъ дворецъ королей; а рабочіе, украшавшіе его новое жилище, ропщутъ, не получивъ еще заплаты. Короче сказать, его выходка возстановила противъ него всѣ партіи, и даже преклоняющіеся передъ нимъ не находятъ извиненія его мелкому тщеславію. Говорятъ, правда, что онъ самъ станетъ во главѣ Рейнской арміи; но хорошо освѣдомленные люди увѣряютъ, что этого никогда не будетъ: онъ побойтся оставить столицу, гдѣ его отсутствіе было бы на руку его врагамъ, чтобъ отправиться къ арміи, потерявшей и бодрость, и вѣру, и готовой идти за тѣмъ, кто больше дастъ. Таково положеніе вещей въ настоящей Франціи по конфиденціальному письму изъ Парижа, только что мною полученному самымъ удивительнымъ образомъ.

Герцогъ Саксенъ-Веймарскій нѣсколько уже дней здѣсь, прибывъ изъ Шверина, а архіепископъ Любекскій пріѣхалъ сегодня и завтра выѣдетъ въ Этинъ, откуда отправится въ Шверинъ на поклонъ къ Ея Императорскому Высочеству Великой Княгинѣ наслѣдной принцессѣ Мекленбургъ-Шверинской.

Гамбургъ.

21 Февраля/4 Марта 1800.

*

Получено 18 Марта 1800.

№ 10.

Государь!

Я пользуюсь отъѣздомъ лѣкаря Рюля, имѣвшаго честь сопровождать въ Шверинъ Ея Императорское Высочество Великую Княгиню наслѣдную принцессу Мекленбургъ-Шверинскую, чтобъ положить къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества четырнадцать при семь прилагаемыхъ бумагъ, которыя были мнѣ послѣдовательно доставлены изъ Кружка послѣ послѣдняго нарочнаго курьера.

Памфлетъ на Бреславльское регенство, о которомъ я поминалъ въ моемъ послѣднемъ донесеніи и который я осмѣливаюсь при семь приложить, возбудилъ здѣсь кое-какіе толки, вслѣдствіе чего Прус-

скій посланникъ счелъ нужнымъ доискаться имени сочинителя. Когда это дошло до свѣдѣнія герцога Генриха Виртембергскаго, его свѣтлость повелѣлъ заявить сказанному посланнику, черезъ барона Вольцогена (камергера герцога Веймарскаго), что не онъ авторъ этой брошюрки, о которой не имѣетъ никакого понятія. Повидимому, это заявленіе удовлетворило г-на фонъ-Шульца, сказавшаго, что онъ принимаетъ его за официальное и не преминетъ написать о немъ своему Двору, чтобъ уничтожить невыгодное впечатлѣніе, которое могла тамъ про- извести посланная уже туда брошюрка.

Гамбургъ.
27 Февраля/10 Марта 1800.

*

№ 11. Шифровано.

Государь!

Курьеръ изъ Париза, о которомъ я заявлялъ въ моей депешѣ отъ 4 Марта н. ст., привезъ мнѣ, между прочимъ, письмо Талейрана къ посланнику Батавской республики, копія съ котораго находится у меня въ рукахъ. Талейранъ сообщаетъ ему свои опасенія на счетъ новой попытки Англии и Россіи противъ Голландіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ увѣряетъ его, что приняты всѣ мѣры для отраженія нападенія. „Войска (пишетъ онъ), бывшія въ Вандеѣ противъ роялистовъ, уже въ дорогѣ, чтобъ встрѣтить Англо-русовъ и отправляютъ даже на почтовыхъ, дабы скорѣе прибыть на мѣсто. Но больше всего пугаютъ Французское правительство намѣренія Пруссіи относительно Голландіи. Признаюсь, пишетъ Талейранъ, что я не безъ тревоги жду возвращенія курьера изъ Берлина, который или успокоитъ меня, или подтвердить мои опасенія“. Это письмо, часть котораго написана рукою самого Талейрана, онъ кончаетъ сообщеніемъ, что Рейнгардтъ, посланникъ Республики въ Швейцаріи, съ успѣхомъ дѣйствуетъ въ настоящее время, подкупая своихъ соотечественниковъ. Извѣстно, что этотъ негодяй изъ Виртемберга.

По послѣднимъ запросамъ изъ Париза въ Кружкѣ, которые привезъ тотъ же курьеръ, видно, что Талейрану очень хочется узнать, насколько новый союзъ Россіи съ Швеціей можетъ вредить Республикѣ, и послѣдуетъ ли Данія блужданіямъ своего сосѣда. Онъ спрашиваетъ по этому поводу, сохранилъ ли кружокъ свои отношенія въ Швеціи съ П., способны ли посылаемая имъ черезъ Гамбургъ въ Стокгольмъ личности выполнить важное порученіе, на нихъ возлагае-

мое, и дана ли имъ возможность по коммерческимъ ихъ сношеніямъ прожить тамъ во все время сейма въ Нордкѳпингѳ. Отвѣты на эти вопросы объяснять намъ на счетъ послѣдней статьи, и все, что я узнаю, я тотчасъ сообщу въ Стокгольмъ послу Вашего Императорскаго Величества.

Гамбургъ.

28 Февраля/11 Марта 1800 г.

*

Свѣдѣнія о разныхъ личностяхъ, употребляемыхъ для дѣятельности въ Россіи.

Блесигъ шуринъ негоціанта Гамбургера, фамилію котораго и носить, проѣздомъ изъ Петербурга былъ 18 Декабря въ Ратисбонѳ, отправляясь въ Парижъ курьеромъ.

Брюнель (имя вымышленное), выѣхавшій 27 Брюмера (18 Ноября 1799 г.) изъ Травемюнде на Ригу, Митаву и Петербургъ. Примѣты его: очень невысокъ, скорѣе худъ, чѣмъ полонъ, на видъ слабый, около 27 лѣтъ, въ кругломъ, очень бѣлокуроемъ парикѣ. Корабль, на которомъ онъ отплылъ въ Ригу, „Аархустъ“, а капитанъ онаго И. К. Кантель; выѣхалъ изъ Петербурга около Января или Февраля 1800 г. съ паспортомъ отъ консула-друга (должно быть Прусскаго или Вегелина); въ домѣ друга дѣлали обыскъ, онъ жилъ тамъ тотчасъ по его отъѣздѣ.

Клеркъ. 6 Февраля Клерка ждали изъ Риги въ Гамбургъ.

Сентъ-Круа назначался для Петербурга, а послѣ отправился въ Вѣну; изъ письма Кружка видно, что въ Петербургѣ онъ долженъ былъ переговорить съ дѣвицей Нитардъ. Въ Россію онъ долженъ былъ пріѣхать съ курьеромъ Вендтомъ 25 или 26 Декабря; но затѣмъ это приказаніе отмѣнено.

Эрманъ въ Петербургѣ повидимому, пользовался довѣріемъ агентовъ пропаганды.

Лихтенбергеръ, мелочной торговецъ желѣзомъ въ Петербургѣ, вель переписку съ Парижемъ; но его подозрѣвали въ сношеніяхъ съ правительствомъ, за которымъ онъ долженъ былъ слѣдить.

Лаутъ былъ въ Петербургѣ 8 Января, должно быть, характера трусливаго и легко приводимаго въ замѣшательство; онъ былъ въ Петербургѣ еще и 10 Февраля н. ст., но подъ другимъ именемъ.

Руперти проѣзжалъ изъ Россіи черезъ Лейпцигъ, приблизительно въ Февралѣ 1800 г.

Вейсъ (изъ Лейпцига) ѣздилъ по Россіи съ письмами изъ Лейпцига, Риги и Петербурга; проѣхалъ черезъ Гамбургъ 23 Января 1800 года. Письмо въ Кружокъ изъ Парижа предлагаетъ ему отправить въ Петербургъ брата Клементія; но нѣтъ указаній на то, что онъ былъ тамъ.

*

№ 13.

Государь!

Повергаю при семь къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества бумаги Кружка, числомъ 13, поступившія ко мнѣ съ отъѣзда Рюля изъ Шверина.

Американецъ Эллисонъ въ настоящее время въ Гамбургѣ и очень гордится тѣмъ, что, какъ онъ говорить, не побоялся Берлинской коалиціи. Если сочли нужнымъ удалить его изъ этого города, мнѣ непонятно, какъ тамъ могутъ терпѣть такого человѣка, какъ Бересфордъ, а еще менѣе могу я постичь, какъ этотъ ярый Якобинецъ могъ добраться до королевы и принцевъ, такъ какъ увѣряютъ, что онъ имъ преподаетъ Англійскій языкъ.

Бургуэнь, назначенный посланникомъ Республики въ Копенгагенъ, нѣсколько уже дней здѣсь и остановился у Окарица, Испанскаго посланника. Не знаю, съ чего увѣряютъ, что онъ останется здѣсь нѣсколько мѣсяцевъ. Всякій другой, болѣе совѣстливый, чѣмъ онъ, почувствовалъ бы себя не по себѣ въ городѣ, гдѣ онъ былъ прежде представителемъ Людовика XVI; но Бургуэнь, не имѣющій собственнаго мнѣнія, выпутывается изъ неловкаго положенія, лаская одной рукой сторонниковъ Республики, а другою эмигрантовъ, которыхъ онъ зналъ когда-то и которые тайно посѣтили его. Мнѣ извѣстно, что онъ до такой степени довелъ свое расположеніе къ нимъ, что привезъ имъ письма отъ ихъ родственниковъ; но это нисколько не говоритъ въ пользу его ума, а, напротивъ, доказываетъ непослѣдовательность безнравственнаго и пустаго человѣка, желающаго быть въ хорошихъ отношеніяхъ со всѣми. Люди, знающіе его отлично и могущіе сдѣлать ему оцѣнку, увѣряютъ меня, что посредствомъ ласкательства, золота и угрозъ, его можно завести далеко. Его намѣреніе провести нѣсколько мѣсяцевъ въ Гамбургъ объясняютъ якобы даннымъ ему отъ перваго консула порученіемъ достать тутъ 5 милліоновъ. Я еще не говорилъ объ этомъ съ синдикомъ, поэтому принимаю это какъ городской слухъ; оправдается ли онъ или нѣтъ, но не думаю, чтобъ магистратъ былъ расположенъ удовлетворить подобную просьбу.

Число возвращающихся эмигрантовъ постоянно увеличивается. На прошлой недѣлѣ ихъ уѣзжало по 25—30 каждый день, и не преувеличивая можно сказать, что, съ переворота 18-го Брюмера, число ихъ усилилось на двѣ трети противъ прежняго. Я не сомнѣваюсь въ ихъ вѣрности своимъ убѣжденіямъ (о конституціоналистахъ я умалчиваю); непостижимо только ихъ увлеченіе Бонапартомъ, отъѣздъ коего въ Дижонскій лагерь они объясняютъ его намѣреніемъ провозгласить тамъ королемъ Людовика XVIII. Это заблужденіе (хорошо бы ему не быть таковымъ) раздѣляютъ многіе ихъ родственники, которые писали мнѣ, что теперешняя минута благоприятна для ихъ возвращенія, такъ какъ не идетъ въ разрѣзъ съ ихъ убѣжденіями. Но если еще можно ожидать чего-нибудь отъ Бонапарта, то какъ согласить это намѣреніе съ низкимъ предательствомъ при захватѣ Фроте и съ ненужнымъ его убійствомъ, столь возмутившимъ всѣ партіи? (Точный объ этомъ отчетъ, который я позволяю себѣ при семъ приложить, мнѣ присланъ изъ Парижа, гдѣ онъ былъ напечатанъ и распространенъ). Можно ли предаваться какой-нибудь надеждѣ, когда видишь Фуше изъ Нанта министромъ полиціи, какого-то Камиля Журдана въ Парижѣ и другихъ, подобныхъ симъ корифеямъ Революціи, на высокихъ постахъ правительства. Все это не очень-то располагаетъ къ какой-либо надеждѣ.

Въ отвѣтахъ на запросы изъ Парижа, приложенныхъ къ настоящей депешѣ, говорится въ статьѣ, касающейся Нордкѡпинга, объ нѣкіемъ Шарльѣ, Французскомъ миссіонерѣ. Имя это, какъ и всѣ имена, употребляемая Кругомъ, вымышленное; но я узналъ, что подъ нимъ подразумѣвается Абердѡрнъ, родомъ Шведъ и родственникъ извѣстнаго Горна, изгнаннаго изъ отечества своего. Онъ долго прожилъ въ Парижѣ, а за время своего годоваго здѣсь пребыванія посѣщалъ всѣ собранія, а Кругокъ избралъ его въ свои члены и поддерживаетъ черезъ него сношенія съ Швеціей. Я не премину довести это открытіе до свѣдѣнія г. Будберга въ Норкѡпингъ.

Такъ какъ я только сегодня имѣю въ рукахъ письмо Абема (приложеніе 13-ое), то еще не могъ узнать содержаніе донесенія Лаута, о которомъ онъ упоминаетъ; но я надѣюсь получить его на дняхъ и открыть также, кого подразумѣваютъ въ Петербургѣ подъ именемъ двоюроднаго брата Абема.

Гамбургъ.
16/28 Марта 1800 г.

*

№ 15.

Государь!

По возвращеніи посланнаго Кружкомъ чловѣка, я получилъ двѣ бумаги, которыя и повергаю къ стопамъ Вашего Величества. Лаутъ—агентъ Республики, бывший въ Петербургѣ, пять дней какъ находится здѣсь. Талейранъ желаетъ его повидать, чтобы переговорить съ нимъ, о чемъ онъ и пишетъ Абему въ письмѣ (№ 2 прибавленій). Казалось бы, что этимъ выказывается ему довѣріе; но я знаю съ другой стороны, что Лаутъ очень недоволенъ сдѣланнымъ ему приѣмомъ здѣшнихъ друзей, и нисколько не удивлюсь, если онъ, судя по этому приѣму, не ожидаетъ лучшаго и въ Парижѣ. Я не пропущу случая воспользоваться этой размолвкой, если только будетъ на то возможность.

Одинъ изъ моихъ агентовъ, Мозеръ, знакомъ съ Лаутомъ и часто его видитъ. Они оба изъ Эльзаса и вмѣстѣ служили въ Страсбургѣ, что и объясняетъ установившуюся между ними близость. Я настоятельно наказывалъ Мозеру добиться отъ Лаута, кого Кружокъ подразумеваетъ въ Петербургѣ подъ именемъ двоюроднаго брата Абема. Но Лаутъ до сихъ поръ еще не разъяснилъ этого. Онъ еще не настолько поссорился и не такъ еще брезгаетъ своимъ ремесломъ, чтобы не опасаться выдать себя какою-нибудь нескромностію. Однако о менѣе важныхъ вещахъ онъ говорилъ свободно. Такъ, напр., онъ называлъ какого-то Вальтера и Лихтенбергера, коммерсанта, Нѣмца-художника, пишущаго пастелью, по имени Грау или Фрау, и Эльзасца Флѣри, какъ лицъ поддерживающихъ сношенія съ Французскими агентами. На послѣдняго слѣдуетъ особенно обратить вниманіе, такъ какъ я имѣлъ уже о немъ отзывы изъ совершенно другого источника, чѣмъ настоящий, о чемъ и доводилъ уже до свѣдѣнія Вашего Величества въ моей депешѣ № 59, 1799 г. Первое полученное мною о немъ понятіе въ полномъ согласіи съ тѣмъ, что сообщаетъ мнѣ о немъ Мозеръ.

Бургуэнь не дѣлалъ еще никакого шага передъ Сенатомъ, и я полагаю, что не сдѣлаетъ вовсе. Онъ заранѣе знаетъ, что всякія предложенія о займѣ будутъ отвергнуты, и не хочетъ себя ставить въ неловкое положеніе. Но очень удивительно, что Прусскій посланникъ ничего еще не заявлялъ по этому предмету. Синдикъ Дворманъ довѣрилъ мнѣ вчера, что г. фонъ-Шульцъ говорилъ съ нимъ объ этомъ

случайно, вслѣдствіе его вопроса о томъ, правда ли, что Прусскій Дворъ заявилъ, что сочтетъ за нарушение нейтралитета всякую попытку Французовъ силой вынудить денегъ у города Гамбурга? Посланникъ дѣйствительно подтвердилъ это, но еще далеко отъ частнаго разговора до формальнаго заявленіи, которое онъ долженъ былъ сдѣлать по приказанію своего министра, какъ мнѣ въ свое время было указано барономъ Крюднеромъ.

Если подобный образъ дѣйствій г. Шульца удивителенъ, то не менѣе сего кажется страннымъ, какъ относится къ Бургуэню посланникъ его императорскаго и королевскаго величества. г. де-Бюоль, увѣрявшій, что онъ не переноситъ вида трехцвѣтной кокарды, не стѣсняется въ настоящее время встрѣчаться съ посланникомъ Республики на нейтральной почвѣ. Они часто обѣдали вмѣстѣ, и мнѣ извѣстно, что многіе негоціанты, приглашавшіе ихъ обоихъ, спрашивали предварительно у г. де-Бюоля, хочетъ ли онъ быть вмѣстѣ съ Бургуэнемъ, и что онъ отвѣчалъ, что ничего не имѣетъ противъ встрѣчи съ нимъ.

Де-Бюоль могъ быть вынужденъ къ подобной встрѣчѣ при Дворѣ по этикету; но въ Гамбургѣ, гдѣ можно выбирать подходящее себѣ общество, такіа встрѣчи дѣлаются только по доброму желанію, а такъ какъ до революціи Бургуэнь и де-Бюоль не были знакомы, то встрѣчи эти тѣмъ болѣе удивительны.

Заговоръ противъ перваго консула, приписываемый, по обыкновенію, Парижскими газетами агентамъ Питта, по вѣрнымъ свѣдѣніямъ изъ Франціи заключался въ слѣдующемъ. На парадѣ или другомъ подобномъ случаѣ часть солдатъ должна была стрѣлять въ Бонапарта, Фуше, министра полиціи, и Роже-дю-Ко были замѣшаны въ это, и послѣдній даже раздавалъ солдатамъ деньги, чтобъ возмутить ихъ, дѣлая это по усердію къ Сіесу или по дружбѣ къ Массенѣ. Бонапартъ былъ предупрежденъ о заговорѣ офицерами того корпуса, въ которомъ подстрекали солдатъ къ возмущенію, и вслѣдствіе этого рѣшился не ѣхать въ Дижонъ. Онъ хочетъ остаться въ Парижѣ, чтобъ встрѣтить враговъ лицомъ къ лицу. Къ ихъ числу онъ относитъ своего брата Люсьена, главу Якобинцевъ; а врагъ этотъ довольно опасенъ, такъ какъ осторожное съ нимъ обращеніе показываетъ, насколько его партія еще страшна во Франціи.

Увѣряютъ, что для смягченія его отрѣшенія отъ должности Бонапартъ предложилъ ему Стокгольмское посольство; но Люсьень не согласился. Подозрѣвая весь свѣтъ, дрожа за свою жизнь, Бонапартъ

проводить все время въ страхѣ смерти. На парадахъ онъ волнуется, выказываетъ смущеніе; если онъ ѣдетъ въ театръ, его экипажъ сопровождаетъ конная гвардія, обнажающая сабли, пока онъ выходитъ; если онъ видитъ толпу, собравшуюся посмотрѣть на него, онъ быстро скрывается въ подъѣздъ, выражая своимъ взглядомъ страшное безпокойство.

Гамбургъ.
6/18 Апрѣля 1800.

*

Получено 4 Августа.

№ 24.

Гамбургъ 20 Іюля (1 Августа) 1800.

Государь!

Въ Понедѣльникъ утромъ, 16 (28) Іюля, какой-то человекъ передалъ моему привратнику письмо (копія съ онаго приложена здѣсь подъ № 1), не сказавъ, отъ кого онъ пришелъ. Я крайне удивился, увидя, по вскрытіи сего письма, подпись Бургуэня.

Безъ дозволенія Вашего Императорскаго Величества я не рѣшусь ни на какой шагъ, а тѣмъ болѣе не соглашусь на сношенія подобнаго рода. Полное молчаніе, вотъ что мнѣ приличествовало въ семь случаевъ; поэтому, безъ всякаго колебанія я принялъ слѣдующія мѣры. Я приказалъ моимъ людямъ, если придутъ за письмомъ на имя г. Лакруа, отвѣчать, что никакого письма нѣтъ; а за тѣмъ, во избѣжаніе повторенія чего-либо подобнаго, я не велѣлъ принимать писемъ, если ихъ податель не дастъ своего имени и не скажетъ кѣмъ онъ посланъ. Въ 9 час. вечера приходили за отвѣтомъ и, не получивъ онаго, нѣсколько разъ приходили снова съ письмомъ для меня; но привратникъ не соглашался его принять иначе, какъ при соблюденіи предписанныхъ мною условій. Не видя возможности доставить мнѣ свое письмо такимъ способомъ, Бургуэнь прибѣгъ къ другому пути, гдѣ ему и удалось. Онъ послалъ свое письмо съ человекомъ, который сказалъ привратнику, что онъ отъ де-Стівена, редактора „Гамбургскихъ Извѣстій“. Люди мои, зная, что де-Стівень ежедневно присылаетъ мнѣ бюллетени, приняли безъ смущенія принесенный пакетъ, полагая, что онъ него. Пакетъ у меня, а копію съ него (подъ № 2) прилагаю при семъ Вашему Величеству.

Однако, чтобъ положить конецъ этимъ проискамъ, я рѣшилъ велѣть написать одному изъ секретарей моихъ записочку, которую

отправилъ въ Альтону, къ часовщику Рюбигеру, на котораго Бургуэнь указывалъ во второмъ письмѣ своемъ. Вотъ подлинныя слова записки.

„Не имѣя возможности входить въ переговоры съ г. де-ла-Круа безъ особаго на то разрѣшенія, тѣмъ менѣе могу я принять письмо, какого бы оно ни было содержанія. Больше ничего другого не имѣю отвѣчать“.

Послѣ этого покушались еще раза два передать мнѣ письмо, но я нарочно три дня сидѣлъ дома, приказавъ, чтобъ всѣ приносимыя письма передавали мнѣ въ собственныя руки, чѣмъ и отбилъ у Бургуэня охоту къ дальнѣйшимъ попыткамъ. Больше я ничего о немъ не слышалъ, но знаю, что вчера, въ 3 часа дня, онъ отправилъ своего курьера обратно.

*

Подполковникъ Михаилъ Даниловичъ Апостоль, прогнавъ отъ себя жену свою Елисавету Николаевну (рожд. Чорбу), передалъ 6 Апрѣля 1801 года свое имя и имущество Ивану Матвѣевичу Муравьеву (род. 1762 г., † 12 Марта 1851 г.), конечно въ виду его успѣховъ. Это человекъ даровитый и ученый, о чемъ свидѣтельствуютъ переведенныя имъ Аристофановы „Облака“. Первая его супруга была родомъ изъ Сербіи, Анна Семеновна Черноевичъ. К. А. Коссовичъ рассказывалъ, что когда она прибыла изъ Франціи (гдѣ воспитывала дѣтей, пока мужъ ея былъ нашимъ министромъ въ Испаніи) въ Кронштадтъ, то стала цѣловать Русскую землю. Она скончалась въ 1810 году, а супругъ ея въ 1812 году женился на Прасковѣ Васильевнѣ Грушецкой. Ея три сына стали Декабристами. Въ Парижѣ Муравьевъ-Апостоль бывалъ, когда Наполеонъ былъ еще первымъ консуломъ и познакомился съ его матерью Летицею, у которой потомъ во Флоренціи былъ, какъ свой, и съ Русскими пріятелями игрывалъ у нея въ проферансъ. Гдѣ его бумаги?

